

**МАРИЙ И КАТУЛ:
ИСТОРИЯ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ
НОМО NOVUS И VIR NOBILISSIMUS**

Как известно, представители незнатных римских семейств, мечтавшие сделать политическую карьеру, искали поддержки знатных патрионов. Отношения Г. Мария и Кв. Катуга являют пример того, как, напротив, *homo novus* оказал поддержку отпрыску старинного аристократического семейства. Однако конец их взаимоотношений оказался трагическим. Ответу на вопрос о том, почему так произошло, и посвящена предлагаемая статья.

Пути обоих политиков пересеклись в 103 г.¹, когда они выдвинули свои кандидатуры на консульских выборах на 102 г. и достигли успеха. Имя Мария к тому времени уже прославила победа над Югуртой, он добился высшей магистратуры уже в четвертый раз. А какова была предшествующая биография его коллеги?

Кв. Лутаций Катуга происходил из весьма знатной семьи² – к числу его предков принадлежал консул 242 г. Г. Лутаций Катуга, победитель карфагенского флота в сражении при Эгатских островах, завершившем Первую Пуническую войну. Но впоследствии его фамилия по неизвестным нам причинам пришла в упадок: после 221 г.³ ее представители до конца II в. не упоминаются среди римских магистратов⁴. Правда, определенным весом в глазах нобилей они продолжали пользоваться, коль скоро женой Кв. Катуга стала дочь одного из знатнейших римлян, консула 140 г. Гн. Сервилия Цепиона – это произошло примерно в 121 г.⁵ Когда Катуга начал свое продвижение по *cursus honorum*, мы не знаем; предполагается, что в 109 г. он стал претором вместе со своим шурином Кв. Сервилием Цепионом⁶. Последний, по-видимому, был одним из лидеров группировки Метеллов⁷, так что в исходе преторских выборов можно видеть ее серьезный успех.

Что же касается консулата, то здесь судьба долгое время проявляла неблагосклонность по отношению к Кв. Лутацию. Он трижды потерпел поражение, домогаясь высшей магистратуры – в 107, 106 и 105 гг., проиграв соответственно Г. Атилию Серрану, Гн. Маллию Максиму и Г. Флавию Фимбрию, из которых двое последних были «новыми людьми» (Cic. *Pro Planc.* 12). Кстати сказать, консулом 106 г. вместе с Серраном стал шурином Катуга Цепион, а сам он так и не добился успеха – по-видимому, Метеллы сочли Катуга недостаточно перспективным кандидатом на консульскую должность. Троекратная неудача означала окончательный провал⁸. И вдруг в 103 г. Катугу, которому, казалось, уже не на что надеяться, не-

¹ Все даты – до н.э.

² Münzer F. *Lutatius* (7) // RE. 1926. Hbd. 25. Sp. 2072.

³ Broughton T.R.S. *The Magistrates of the Roman Republic*. N. Y., 1951. Vol. 1. P. 235.

⁴ Badian E. *Caepio and Norbanus* // *Historia*. 1957. Bd. 6. P. 322. Note 34.

⁵ Münzer F. *Op. cit.* Sp. 2073. Ранее Ф. Мюнцер, опираясь на Аскония (71 К.-S), считал, что женой Катуга была Домиция (*idem. Domitia* (90) // RE. 1905. Bd. 5. Sp. 1509).

⁶ Münzer F. Sp. 2074; Broughton T.R.S. *Op. cit.* Vol. 1. P. 545.

⁷ Rijkhoek K.G. *Studien zu Sertorius*. Bonn, 1992. S. 70–71.

⁸ Münzer F. *Lutatius*. Sp. 2074.

жданно-негаданно улыбнулось счастье – он добился-таки консулата⁹, на который в прошлом году и не претендовал¹⁰. Что же произошло?

В избрании Катуга порой видят победу знати, которая, не в силах помешать новому успеху Мариа (он добился высшей магистратуры в четвертый раз!), так сказать, в порядке компенсации провела своего человека в консулы¹¹, а арпинату пришлось согласиться с таким выбором¹². На это, казалось бы, указывает сообщение Плутарха: рассказав о борьбе Мариа за консулат на 102 г., в которой ему помог Сатурнин, греческий писатель добавляет, что в коллеги Марию дали «Лутация Катуга, человека, почитаемого среди знати и в то же время угодного народу» (ἀνδρα καὶ τιμώμενον ὑπὸ τῶν ἀρίστων καὶ τοῖς πολλοῖς οὐκ ἐηπαχθῆ – *Mar.* 14.14, перев. С.А. Ошерова).

Если принять такое объяснение, то Катуга Марию попросту навязали. Но ведь и в 103 г. коллегой Мариа был аристократ, Л. Аврелий Орест¹³, потомок двух консулов¹⁴. Кроме того, возникает вопрос, почему же в предыдущие годы Катугу поддержки не оказали, а теперь вдруг решили сделать его своего рода противовесом арпинату? Более вероятным представляется объяснение случившегося, которое предложил Э. Бэдиан: Катуга примкнул к Марию, чья поддержка и обеспечила ему консулат. Дело в том, что мать Катуга после смерти его отца стала супругой Луция Цезаря, которому подарила двух сыновей – консула 90 г. Л. Цезаря и знаменитого оратора Г. Цезаря Страбона¹⁵, а Марий, как известно, был женат на представительнице рода Юлиев (*Plut. Caes.* 1.2; 5.2). Юлии Цезари на тот момент так же, как и Лутации Катуги, утратили прежнее влияние и стремились вернуть себе его. Очевидно, Катуга оказался ставленником этого альянса¹⁶. В развитие этой версии можно добавить, что Марий, делая последнего консулом, ослаблял группировку Метеллов¹⁷, более того, унижал их – он даровал Катугу высшую магистратуру, в которой те ему отказали. Если учесть огромное влияние арпината, который вполне мог в тот момент выбирать себе коллег (и делал это)¹⁸, такая реконструкция событий выглядит вполне приемлемой. Что же касается процитированной выше реплики Плутарха об отношении к Катугу знати и народа, то она свидетельствует лишь об отсутствии у Кв. Лутация на тот момент ясно выраженной политической позиции и потому версии Бэдиана не противоречит.

Правда, эта версия вызвала возражения Р. Льюиса. По его мнению, решающую роль в избрании Катуга могла сыграть поддержка Домициев, на представительнице рода которых тот был женат. Домиции же имели большую клиентелу в Риме. В свою очередь, «влияние Мариа

⁹ Broughton T.R.S. Op. cit. Vol. 1. P. 567.

¹⁰ Münzer F. Lutatius. Sp. 2074; Badian E. Op. cit. P. 322.

¹¹ Clerc M. La bataille d'Aix. P., 1906. P. 52. В целом эту мысль принимает и А.Б. Егоров (см.: Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 48).

¹² Münzer F. Lutatius. Sp. 2074.

¹³ Broughton T.R.S. Op. cit. Vol. 1. P. 562.

¹⁴ Сын консула 126 и внук консула 157 гг. (Klebs E. Aurelius (179–181) // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 2514–2515).

¹⁵ Münzer F. Lutatius. Sp. 2072 (с указанием источников).

¹⁶ Badian E. Op. cit. P. 323.

¹⁷ Rijkhoek K.G. Op. cit. S. 72.

¹⁸ Luce T.J. Marius and Mithridatic Command // Historia. 1970. Bd. 19. Hft. 1. P. 179.

на выборы 103 г. было ограниченным, поскольку ему пришлось возвратиться в Рим для их проведения после смерти его коллеги Л. Ореста (предположительно – из числа *boni*) – возможно, в тот момент, когда само голосование уже закончилось и когда Марию, вероятно, трудно было обеспечить собственное переизбрание, не говоря уже о назначении другого человека»¹⁹. Однако в этих построениях слишком много «возможно» и «вероятно». Равным образом можно утверждать, что Марий появился в Городе еще до проведения голосования. Сомнительно также, что Домиция была женой Катуга (см. прим. 4), но главное даже не в этом – автор не дает ответа на вопрос о том, почему Домиция не помогла Кв. Лутацию раньше. Что же до возможностей Мария повлиять на выборы, то они были не так уж малы, ибо для этого не требовалось приезжать в Рим – достаточно было дать соответствующие указания своим друзьям в Городе.

Единственный вопрос, который возникает в связи с этим: почему же консульство не получил кто-либо из Цезарей? Вероятно, по возрасту для его соискания представители этой фамилии подходили еще меньше, чем Катуг. Впрочем, пройдет чуть больше десяти лет, и сразу два Цезаря победят на консульских выборах на 91 и 90 гг.

Итак, Кв. Лутаций достиг того, о чем его семья могла лишь мечтать уже больше столетия. Однако он добился высшей магистратуры в то время, когда от ее носителей требовалось не столько искусство политических интриг, сколько дарования полководцев и организаторов – шла война с германцами и галлами. Как известно, Марий проявил свои таланты в полной мере – он превратил новобранцев в настоящих воинов, а затем повел их в бой и осенью 102 г., наголову разгромил тевтонов и амбронов в битве при Аквах Секстиевых. Его коллега сражался куда менее удачно. У нас нет сведений об участии Катуга в каких-либо боевых операциях до 102 г. А ведь от него требовался опыт не только солдата, но и военного организатора – без подготовленной армии о победе над такими грозными врагами не приходилось и думать. Очевидно, Катугу требовались знающие помощники. Одним из них стал Л. Корнелий Сулла – также представитель утратившей былой блеск фамилии, который, однако, успел отличиться в войне против Югурты. Сам он утверждал в мемуарах, будто уехал к Катугу потому, что устал от зависти и интриг Мария, который-де противился его дальнейшему возвышению (Plut. *Sulla*. 4.3). Однако поверить в это трудно – в тот момент Сулла был фаворитом Мария²⁰, никаких конкретных сведений о серьезных трениях между ними в тот момент нет – очевидно, за отсутствием таковых²¹. Надо сказать, что будущий диктатор оказался удачной кандидатурой – как известно, в необходимый момент он позаботился о снабжении продовольствием не только армии Катуга, но и Мария (4. 5–6). В мемуарах, правда, Сулла

¹⁹ Lewis R.G. Catulus and the Cimbri. 102 B.C. // *Hermes*. 1974. Bd. 102. P. 107. Note. 58.

²⁰ Katz B.R. Caesar Strabo's Struggle for the Consulship and More // *RhM*. 1977. Bd. 120. P. 56.

²¹ Тем не менее версия о вражде Мария и Суллы в тот момент как причине ухода последнего к Катугу принимается многими историками (*Инар* Ф. Сулла. Ростов-на-Дону, 1997. С. 53; *Keaveney* A. Sulla: The Last Republican. London; Canberra, 1982. P. 32). Л. Парети пишет, будто в этом случае повторялась история вражды между Марием и Метеллом (*Pareti* L. Storia di Roma e del mondo romano. Torino, 1953. Vol. 3. P. 467).

уверял, будто он сильно озлобил этим последнего (4.6)²², но всерьез подобные утверждения, высказанные уже задним числом, воспринимать не приходится²³.

Армии Катугла предстояло защищать альпийские перевалы от кимвров, которые вернулись из Испании, отброшенные кельтиберами (Liv. Per. 67). Узнав о наступлении кимвров по дороге через Бреннер, Катугл двинулся вверх по долине Атесиса, чтобы остановить врагов, пока те не вышли на равнины, где им будет трудно противостоять. Под Тридентом римская конница под командованием Эмилия Скавра, сына принцепса сената, столкнулась с кимврами и потерпела поражение. Скавр-старший запретил сыну показываться ему на глаза, и несчастный покончил с собой, не выдержав позора (Liv. Per. 68; Front. IV.1.13; Val. Max. V.8.4; *De vir. ill.* 72.10).

Кимвры стремительным броском переправились на другой берег реки, отрезая Катуглу пути отхода²⁴. Римлянам нужно было отступить на другой берег реки, на котором уже стоял неприятель. Катугл велел одному из отрядов имитировать сооружение лагеря на соседнем холме – возможно, по совету легатов. Кимвры наметили место для собственного лагеря и рассеялись по окрестным полям для грабежа, решив, что римляне, оставшись на этом берегу, теперь уже никуда не денутся. Воспользовавшись этой оплошностью, Катугл переправился через реку (Front. Strat. I.5.3).

На фоне блестящей победы Мария при Аквах Секстиевых действия Катугла выглядели особенно проигрышно²⁵. Но, несмотря на неудачи, ему продлили командование²⁶ – не новость в римской истории: достаточно вспомнить о Варроне, которого сделали проконсулом после Канн²⁷. Однако, исходя из идеи Бэдиана о покровительстве Мария Катуглу, нарисованную им картину можно дополнить – здесь наверняка не обошлось без поддержки Мария или, по крайней мере, «дружественного нейтралитета» с его стороны. Ведь если бы он выступил против продления полномочий некомпетентному коллеге, решение могло бы оказаться не в пользу последнего.

Однако Катугл продолжал терпеть неудачи – определенно, военное дело не было его стихией. Он отступил к Атесису, но кимвры начали переправляться через реку, и его воины из опасения попасть в кольцо обратились в бегство. Кв. Лутаций возглавил отступление, оправдываясь впоследствии тем, что хотел принять позор войска на себя (Plut. Mar. 23).

²² К. Нойман высказывается более сдержанно – случившееся было лишним поводом для Мария пожалеть о том, что Сулла теперь не служит под его началом (*Neumann C. Geschichte Roms während der Verfall der Republik.* Breslau, 1881. Bd. 1. S. 378). Думается, это, напротив, был лишний повод для Мария убедиться в правильности выбора.

²³ И уж совсем невероятно утверждение Бэйкера, будто Сулла нарочно разозлил Мария (*Baker G.P. Sulla the Fortunate: The Great Dictator.* N. Y., 1967. P. 122).

²⁴ *Lewis R.G.* Op. cit. P. 103.

²⁵ Х. Ласт сравнивает ситуацию под Тридентом с Фермопилами и замечает, что Наполеон воспользовался бы теми возможностями, которые были у Катугла (*Last H. The Wars of the Age of Marius // САН. 1932. Vol. 9. P. 149*). Это, впрочем, звучит скорее как оправдание, ибо Наполеон – личность исключительная. Между тем Катугл в силу скромных природных дарований, в чем его вины нет, не мог претендовать на уровень выше посредственного. А Кивни даже называет его «ничтожеством в военном отношении» (*Keaveney A.* Op. cit. P. 32).

²⁶ *Broughton T.R.S.* Op. cit. Vol. 1. P. 572.

²⁷ *Rosenstein N. Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic.* Berkeley etc., 1990. P. 32–33.

Лишь один из легионов повел себя иначе – центурион-примипил Гн. Петрей из Атины убил трибуна, не решавшегося идти на прорыв, взял на себя руководство и вывел легион из окружения (Plin. NH. XXII.11). По-видимому, именно с Петреем и его помощниками заключили соглашение на медном быке после взятия римского лагеря кимвры, о чем пишет Плутарх (*Mar.* 23.7)²⁸.

На этом эпизоде следует остановиться особо, тем более что в контексте взаимоотношений Мария и Катула он, насколько мне известно, не рассматривался. Совершенно очевидно, что за убийство командира Петрею грозила смертная казнь. Однако вместо этого центуриона удостоили неслыханных для человека его ранга почестей²⁹ – он совершил жертвоприношение вместе с Марием и Католом, одетый в подобавшую лишь магистратам тогу претексту, и получил почетнейший венок за снятие осады, *corona obsidionalis* (Plin. NH. XXII.11).

Кто стал инициатором этого награждения? На память сразу приходит эпизод с убийством трибуна Г. Лузия, которого умертвил некий воин, на чью честь тот покусился. Как известно, Марий не наказал, а наградил воина венком, хотя Лузий приходился ему племянником (Plut. *Mar.* 14.5–8; Val. Max. VI.1.12; Quint. Ю. III.11.14; Cic. *Pro Mil.* 9). Вполне возможно, что и решение о почестях Петрею принял именно он – любопытно, что центурион удостоился их в присутствии *обоих* командующих (*adstantibus Mario et Catulo*) (Plin. NH. XXII.11). Кроме того, родной город Петрея, Атина, находился недалеко от Арпина – родины Мария³⁰. Это тоже могло сыграть свою роль.

По отношению же к Каталу такой поступок выглядел не слишком дружественно. Ведь Петрей показал, как надо воевать, продемонстрировав решимость, отвагу и лидерские качества, которых его командующему хватило лишь на то, чтобы возглавить отступление. Рассказ Плутарха о событиях у Атесиса явно восходит к воспоминаниям Катула³¹, но эпизода с Петреем в нем нет – очевидно, маститый мемуарист не захотел, чтобы читатели проводили невыгодные для него сравнения с безродным центурионом. Да и награждение воина, который убил своего командира, вопиющим образом противоречило римским представлениям о дисциплине, чтобы Катул его одобрил (хотя он не решился и наказать доблестного центуриона). Другое дело, что перед генеральным сражением с кимврами решение Мария о почестях Петрею было наилучшим, и он принимал его явно не из желания уязвить коллегу. Тому, в свою очередь, хватило здравого смысла не возражать и сделать хорошую мину при плохой игре.

Впереди было кульминационное событие всей войны – битва при Верцеллах. Она состоялась 30 июля 101 г. В ней Катул командовал центром римской армии, выдержавшим главный удар кимвров, тогда как Марий обошел их с флангов и осуществил план в духе каннской операции Ганнибала³². Плутарх пишет, что после боя между воинами *обоих* командующих завязался спор – кто сыграл решающую роль в битве? «Третейскими судьями в нем выбрали оказавшихся тогда в лагере послов

²⁸ Lewis R.G. Op. cit. P. 107.

²⁹ Инар Ф. Указ. соч. С. 56–57.

³⁰ Münzer F. Petreius (4) // RE. Hbd. 37. 1937. Sp. 1189.

³¹ Idem. Lutatius. Sp. 2075.

³² Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942. S. 80.

из Пармы, которых люди Катула водили среди убитых врагов и показывали тела, пронзенные их копьями: наконечники этих копий легко было отличить, потому что на них возле древка было выбито имя Катула» (Plut. Mar. 27.7). Насколько жаркой была дискуссия, судить трудно, и какое решение вынесли пармские послы, неизвестно. Сейчас для нас важнее другое – какова роль в этом самого Катула (если эпизод вообще имел место)? Действовали его солдаты по своей инициативе или он подговорил их? Иными словами, проявил он враждебность по отношению к Марию уже тогда или позже? Никаких определенных свидетельств на сей счет нет, но сомнительно, что Кв. Луций столь быстро успел сориентироваться и начать интриговать против Мария сразу же после битвы.

В пользу этого говорит и новый дружественный жест арпината по отношению к Катуту. Плутарх пишет, будто «все требовали», чтобы Марий один справил оба триумфа – и над тевтонами, и над кимврами. «Но он сделал это вместе с Катутом, потому что хотел и в счастье казаться умеренным, а быть может, и потому, что опасался, как бы воины, стоявшие в боевой готовности, не помешали ему справить триумф, если он лишит Катуту этой чести» (Mar. 27.9–10; см. также: Cic. Tusc. disp. V.56).

В рассказе Плутарха явно чувствуется недоброжелательство недругов Мария³³ – он-де хотел лишь *казаться* умеренным, а не *быть* им, может, и вовсе боялся солдат Катуту (явный абсурд). Перечисление причин, по которым победитель кимвров решил все-таки отпраздновать триумф вместе с Квинтом Лутацием, наталкивает на мысль о том, как сильно желал этой почести последний – ведь именно его интересовал прежде всего вопрос об причинах такого поведения арпината, и именно он хотел показать, что никак не обязан ему триумфом.

Так или иначе, Марий вновь проявил великодушие по отношению к коллеге³⁴. Очевидно, победитель кимвров пока считал его своим союзником – претензии на то, что именно он, Катут, является главным героем верцельской баталии, прозвучат позднее. Хотя противодействия его воинов триумфу, о чем писал Плутарх, опасаться не приходилось, без нужды злить их тоже было ни к чему. Могла проявить недовольство и часть нобилитета³⁵. Да и в конце концов, во время победного торжества вся слава и восторг народа, надо полагать, достались Марию, а Катут выглядел лишь его бледной тенью.

Арпинат еще после триумфа над Югуртой воздвиг монумент, к которому теперь прибавил новый. Кроме того, он за счет взятой у варваров добычи основал храм Чести и Доблести³⁶. Катут же построил (также за счет добычи) роскошный особняк на Палатине, а также портик – на месте дома консула 125 г. Марка Фульвия Флакка, разрушенного в 121 г. после гибели хозяина во время гракханской смуты. И дом, и портик Катуту были украшены реликвиями кимврской войны – своего рода музей боевой славы³⁷. Тогда же, очевидно, он украсил двумя статуями работы Фидия (или даже построил) храм Фортуны Нынешнего Дня, которой

³³ По мнению Ф. Мюнцера, Плутарх повторяет мемуары Суллы (Münzer F. Lutatius. Sp. 2077). Но равным образом это могли быть и мемуары Катуту.

³⁴ Badian E. Op. cit. P. 323.

³⁵ Van Ooteghem J. Caius Marius. Bruxelles, 1964. P. 229.

³⁶ Cic. Sest. 116; Planc. 78; Divin. I.59; Vitruv. III.2.5; VII. Praef. 17; Val. Max. VI.9.14; Suet. Jul. 11.

³⁷ Cic. Verr. II.4.126; Cael. 78; De domo. 102; 114; 116; 137; Att. IV.2.3–5; 3.2; Q. fr. III.1.14; Plin. NH. XVII.2; Val. Max. IV.3.1; Plut. Mar. 23.7.

принес обет в начале битвы при Верцеллах (Plin. *NH.* XVII.2; Plut. *Mar.* 26.2). Однако победного памятника, подобного мариеву, он не возвел – это была почесть редкая³⁸ и его заслугам явно не соответствовавшая.

Однако Катул имел иную возможность заявить о себе – он написал мемуары о недавних событиях, *Liber de consulatu et de rebus gestis* (Cic. *Brut.* 132). Они не сохранились, но оказали немалое влияние на последующую традицию³⁹ и даже снискали их автору в глазах некоторых современников репутацию одной из интереснейших фигур римской литературы⁴⁰. Однако нас интересуют не художественные особенности мемуаров Катугла, а то, как в них отразилось его отношение к Марию. Сказалось это прежде всего на описании кульминационного события войны с кимврами – битвы при Верцеллах.

Кв. Лутаций решил показать, что именно он, а не Марий, сыграл решающую роль в разгроме кимвров. Главным доказательством этого мемуарист считал то, что доспехи, военные значки и трубы германцев были принесены в его лагерь, тогда как люди Мария расхитили невоенное имущество. Как уже говорилось, воины показывали послам из Пармы трупы врагов, пронзенные копьями с выбитым на древке именем Катугла (Plut. *Mar.* 27.6–7). Кроме того, его солдаты захватили 31 из 33 германских штандартов (Eutr. V.2.2)⁴¹. Но это не все – Катул уверял, будто Марий выдвинул фланги, которыми сам и командовал, в надежде, что именно они сыграют решающую роль в битве, а воинам Катугла вообще не придется столкнуться с врагом (Plut. *Mar.* 25.7–8)⁴².

Подобные рассуждения не красят их автора вдвойне – во-первых, Катул проявлял неблагодарность по отношению к Марию, а во-вторых, изложенные им аргументы были либо ложью, либо ее худшим видом – полуправдой. Кто мог через несколько месяцев (а то и лет) проверить, что именно принесли воины в его лагерь, а что – в мариев? О результатах же «третейского суда» послов из Пармы Плутарх дипломатично умалчивает, но даже если они и признали правоту воинов Катугла, то удивляться не приходится – пармских делегатов было нетрудно обмануть⁴³, показав им тот участок, где солдаты Мария просто не появлялись.

Не должно вводить в заблуждение и число захваченных штандартов. В ходе битвы воины Мария нанесли удар по кимврской пехоте с тыла⁴⁴, а когда оба фланга сомкнулись за спиной у германцев и исход битвы стал ясен, они атаковали лагерь врага⁴⁵. Трофеи же, находившиеся на поле боя, достались в основном солдатам Катугла. Боевые значки германцы несли либо впереди, либо в глубине строя. Туда легионеры Мария просто не стали прорубаться за отсутствием необходимости, потому-

³⁸ Itgenshorst T. *Tota illa pompa. Der Triumph in der römischen Republik.* Göttingen, 2005. S. 104.

³⁹ Van Ooteghem J. Op. cit. P. 16–17; Badian E. Op. cit. P. 324. Note. 49.

⁴⁰ Bardon H. *La littérature latine inconnue.* P., 1952. T. 1. P. 115.

⁴¹ Münzer F. *Lutatius.* Sp. 2077.

⁴² То же писал и Сулла (Plut. *Mar.* 25.7), который, как предполагается, пользовался мемуарами Катугла (Bardon H. Op. cit. T. 1. P. 120; Van Ooteghem J. Op. cit. P. 15–16), а может, просто повторял разговоры, звучавшие в штабе Катугла еще в 101 г.

⁴³ Valgiglio E. *Plutarco. Vita di Mario.* Firenze, 1956. P. 125.

⁴⁴ Van Ooteghem J. Op. cit. P. 225; Keaveney A. Op. cit. P. 34.

⁴⁵ Weynand R. *Marius* // RE. 1935. Splbd. 6. Sp. 1395. К слову сказать, сражение за него было тяжелым – лагерь обороняли даже женщины (см.: Plut. *Mar.* 27.1–4; Oros. V.16.17).

то им и досталось так мало германских штандартов. Но их славы это, естественно, не умаляет⁴⁶.

Рассуждения же о том, будто Марий нарочно выдвинул вперед фланги, чтобы легионам Катула не пришлось сразиться с врагом, и вовсе не приходится воспринимать всерьез⁴⁷: его воины были хуже подготовлены, чем ветераны Мария⁴⁸, и главнокомандующий предпочел поставить перед ними оборонительную задачу, поскольку наступательные действия требуют большего опыта и выучки. Если бы легионы Катула получили приказ наступать и они потерпели бы неудачу, последний потом утверждал бы, будто его людей нарочно бросили в атаку на слишком сильного врага, чтобы погубить.

Не приходится отрицать, что центр под руководством Катула и Суллы сыграл немалую роль в битве, но, во-первых, отнюдь не вопреки плану главнокомандующего, как уверяли оба этих военачальника, и, во-вторых, без умелого обходного маневра, осуществленного Марием, столь внушительного успеха достичь бы не удалось⁴⁹.

Почему же Катул пошел на откровенную ложь и повел себя столь неприглядно по отношению к Марию? Причин тому несколько. Прежде всего, конечно, он завидовал «выскочке»-арпинату⁵⁰. Ему было мучительно сознавать, насколько его слава уступает мариевой⁵¹. Однако дело не только в этом. Его, очевидно, терзала мысль о том, что он кругом обязан Марию, который сделал его консулом и поделился с ним славой победы и триумфа. А ведь он, Катул, – представитель древнего рода, чей пращур завершил битвой при Эгатских островах Первую Пуническую войну. И ему, потомку выдающихся героев прежних времен, было тяжело чувствовать себя должником *homo novus*, предки которого не достигли даже квестуры.

Но не одного Мария задел Катул. «Жертвой» его пристрастности оказался и будущий смертельный враг арпината – Сулла, много сделавший для успеха легионов Катула при Верцеллах⁵². Однако о его заслугах мемуарист, судя по всему, умолчал⁵³ – либо всерьез уверовав в то, что при Верцеллах все и впрямь сделано им, Катулом, либо не желая делиться славой с недавним фаворитом Мария⁵⁴.

Не вполне понятно, когда Катул опубликовал мемуары. Вызывалось предположение, что он сделал это уже в конце 101 г., чем создал определенные затруднения для Мария при соискательстве консулата на 100 г.⁵⁵ Однако такая быстрота представляется маловероятной – бит-

⁴⁶ В целом я придерживаюсь здесь версии К. Фелькля: *Völkl K. Zum taktischen Verlauf der Schlacht bei Vercellae 101 v. // Rhm. 1954. Bd. 97. S. 87–88.*

⁴⁷ *Fröhlich F. Cornelius (392) // RE. 1901. Bd. 4. Sp. 1526.*

⁴⁸ *Carney T.F. Marius' Choice of Battle-Field in the Campaign of 101 // Athenaeum. 1958. Vol. 36. P. 232.*

⁴⁹ См.: *Weyand R. Op. cit. Sp. 1395.*

⁵⁰ *Luce T.J. Op. cit. P. 180.*

⁵¹ *Badian E. Op. cit. P. 324.*

⁵² По остроумному замечанию Дж. Бэйкера, на трофеях, выставленных Катулом, можно было написать: «Дар Луция Корнелия Суллы» (*Baker G.P. Op. cit. P. 129.*)

⁵³ *Keaveney A. Op. cit. P. 35.* Остается лишь удивляться рассуждениям Бэйкера о том, что Катул был не более чем марионеткой в руках Суллы (*Baker G.P. Op. cit. P. 138.*)

⁵⁴ В то же время Сулла отзывался в мемуарах о Катуте лояльно, ибо тот стал мучеником аристократии, а его сын – верным сподвижником самого Суллы (*Katz B.R. Op. cit. P. 56.*) Сыграла свою роль, конечно, и ненависть к Марию.

⁵⁵ *Weyand R. Op. cit. Sp. 1399; Van Ooteghem J. Op. cit. P. 16.*

ва при Верцеллах состоялась 30 июля, а выборы – вряд ли позднее ноября. Сомнительно, чтобы за это время Катул успел написать должным образом отработанное сочинение, да еще и успеть опубликовать его.

В 100 г. Катул в числе других оптиматов выступил против Сатурнина (Cic. *Pro Rab.* 21; 26; *Phil.* VIII.15). Правда, у Цицерона речь идет лишь о последних днях борьбы с Сатурнином, когда против мятежного трибуна был издан *senatusconsultum ultimum*. Но весьма вероятно, что Катул противостоял ему и раньше, когда тот еще не рассорился с Мари-ем, а потому был врагом и самого Мария.

Победитель германцев, таким образом, ошибся, если надеялся на поддержку со стороны Катула, когда оказывал ему поддержку в 103–101 гг. Кв. Лутаций поступил, как и многие другие нобили в то время – перешел на сторону Мария, когда тот был силен, и покинул, когда влияние последнего пошатнулось. А ведь он получил от него гораздо больше других – речь шла не только о консулате, но и восстановлении репутации «захудавшей» фамилии, и именно Катул сделал куда больше других, чтобы подорвать репутацию своего бывшего покровителя. О каких-либо его попытках отомстить неблагодарному коллеге в 90-х годах сведений нет – по-видимому, за отсутствием возможности.

А вот у Кв. Лутация такая возможность по отношению к Марию появилась. В 88 г., как известно, плебейский трибун П. Сульпиций добился принятия серии законов, в том числе и о передаче командования в войне с Митридатом от Суллы Марию. Сулла в ответ взял Рим и провел постановление, объявлявшее врагами Мария, Сульпиция и их приверженцев. Катул активно выступил в поддержку этого постановления, за что Аппиан (BC. I.74.341) справедливо обвинил его в неблагодарности по отношению к арпинату (ἀχαρίστῳ δ' ἐς αὐτὸν).

Но прошло немногим более года, и настала очередь Мария нанести ответный удар. Старый полководец вернулся в Рим вместе с Цинной, и началась расправа с неугодными нобилиями. Марий теперь смог отомстить «всей своре аристократов, которая отравляла ему радость побед и подливала горечь к его поражениям. За каждый булавочный укол он мог отплатить ударом кинжала»⁵⁶. Погибли Марк Антоний, отец и сын Крассы, Публий Лентул, Атилий Серран, Луций и Гай Цезари – единоутробные братья Катула. Но сам он, как и консул-суффект Л. Корнелий Мерула, назначенный на эту должность после бегства Цинны, избежали мечей убийц – их вызвали в суд (Diod. XXXVIII.4.2–3; App. BC. I.74.341–342). Почему именно им была оказана такая «честь»? В источниках на сей счет сведений нет. Х. Беннет полагает, что они стали жертвой личной вражды – Цинна требовал смерти Мерулы, осмелившегося занять консульскую должность, которой его Цинну, незаконно лишили, а Марий жаждал отомстить неблагодарному Катуту⁵⁷. «Однако в обоих случаях речь шла о личной вражде, и весьма вероятно, что более умеренные лидеры [победившей] группировки, в особенности Серторий, возражали против упрощенной процедуры в отношении столь уважаемых граждан в угоду одной лишь личной ненависти»⁵⁸. Но тогда возникает вопрос, почему

⁵⁶ Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994. Т. 2. С. 228.

⁵⁷ К. Нойман ошибается, приписывая расправу над Мерулой Марию (Neumann C. Op. cit. Bd. 1. S. 556).

⁵⁸ Bennett H. Cinna and His Times. A Critical and Interpretative Study of Roman History during the Period 87–84 B.C. Diss. Menasha, 1923. P. 28. С позицией Сертория связывает

аналогичные соображения не повлияли на «оформление» расправы с Гн. Октавием, Л. Цезарем, П. Крассом, М. Антонием, людьми ничуть не менее уважаемыми в среде нобилитета, занимавшими в разное время консульскую должность, из которых двое последних были к тому же триумфаторами. Марианцы не сочли нужным даже повременить с убийством Октавия до сложения им полномочий консула.

Думается, что этих людей не стали предавать суду по самой простой причине – отсутствовал сколь-либо серьезный материал для обвинения. А вот с Мерулой и Католом ситуация была иной. Первому, несомненно, могло быть инкриминировано незаконное занятие высшей магистратуры после нелегитимного отрешения Цинны от консульской должности. Обвинения же против второго, как предполагается, носили надуманный характер⁵⁹. Но так ли это на самом деле? Аппиан, упоминая о выступлении Катуга в поддержку декрета об изгнании Мария, имел в виду не просто поведать об одном из примеров обоюдной вражды, но и назвать причину обвинения. Соответствующее постановление являлось, в сущности, незаконным⁶⁰ и повлекло за собой убийство плебейского трибуна, а потому имелись серьезные основания для вынесения смертного приговора⁶¹. Обвинение предъявил племянник полководца, плебейский трибун М. Марий Гратидиан⁶². Процесс, очевидно, должен был носить характер *iudicium populi* с троекратным вызовом обвиняемого (*anquisitio*)⁶³, а обвинение, если таковое выдвигалось, – форму *perduellio*⁶⁴. Цицерон и Плутарх рассказывают, что Мария просили пощадить Катуга⁶⁵, но в ответ на все уговоры следовал неизменный ответ: «Он должен умереть!» (Cic. *Tusc. disp.* V.56; Plut. *Mar.* 44.8). Произносилась эта фраза в действительности или нет, не столь уж важно – приговор явно был предопределен заранее⁶⁶. Не желая подвергать себя психологической попытке, Катуг предпочел ускорить неизбежный конец – заперся у себя в доме, разжег угли в очаге и задохнулся в дыму (Plut. *Mar.* 44.8; App. *BC.* I.74. 342; Diod. XXXVIII.4.3; Vell. II.22.4; Val. Max. IX.12.4).

Подведем итоги. По-видимому, Марий рассчитывал на то, что Катуг окажется его верным соратником в благодарность за консулат, триумф и прочие милости. Однако случилось обратное – гордый нобиль проникся неприязнью к благодетельствовавшему его «новому человеку».

отказ от бессудной расправы с Католом и Мерулой и Э. Габба – правда, без ссылки на Х. Беннета (*Gabba E. Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. 201*).

⁵⁹ Bennett H. Op. cit. P. 27.

⁶⁰ Seager R. Sulla // *САН*². 1994. Vol. 9. P. 171. ⁶¹ Поэтому Габба лишь отчасти прав, считая, что в отношении Катуга процесс носил фиктивный характер (*Gabba E. Op. cit. P. 201*).

⁶² Schol. Bern. ad Lucan. II. 173, p. 62 U; Münzer F. *Lutatius. Sp. 2079; Gabba E. Op. cit. P. 201*.

⁶³ Münzer F. *Lutatius. Sp. 2079; Gabba E. Op. cit. P. 201–202*.

⁶⁴ Gruen E.S. *Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B.C. Cambr. (Mass.), 1968. P. 233*.

⁶⁵ Диодор даже пишет, будто Катуг явился к Марию сам (XXXVIII.4.3), однако более правдоподобной представляется версия Цицерона и Плутарха (*Bennett H. Op. cit. P. 27. Note. 15*).

⁶⁶ Münzer F. *Lutatius. Sp. 2079*.¹ Sources for Roman History 133–70 B.C. / Ed. by A.H.J. Greenidge, A.M. Clay, E.W. Gray. Oxf., 1960. P. 233.

По-видимому, он ощутил то, о чем писал Флор, когда говорил о настроениях заговорщиков, готовивших убийство Цезаря: «Милосердие первого в государстве человека было побеждено ненавистью, а сама возможность получать благодеяния была невыносимо тяжела для свободных людей» (II.13.92 (IV.2.92), перев. А.И. Немировского). Катул пытался содействовать гибели Мариа, поддержав решение убить его без суда, но не добился успеха. Но когда настал черед Мариа нанести ответный удар, он оказался смертельным. Однако Марий, сам того не желая, оказал немалую услугу памяти Катула – его мемуары вскоре почти перестали читать (Cic. *Brut.* 133), а вот ореол мученика в моральном отношении возвысил его над арпинатом. При этом слава победителя кимвров и спасителя Рима, которой добивался тщеславный Кв. Луций, навсегда осталась за Марием.

ANTONII KOROLENKOV VICTORIS F. (MOSCOVIENSIS)

**DE C. MARIO DEQVE Q. LVTATIO CATULO
QVAEQVE NECESSITVDO INTER HVNC VIRVM NOBILISSIMVM
ET ILLVM HOMINEM NOVVM INTERCESERIT**

Homines noui Romae in cursu honorum perficiendo plerumque a uiris nobilibus adiuuabantur. aliter C. Mario et Q. Lutatio Catulo accidit: nam Ernestus Badian, uir eruditissimus, Arpinatem operam dedisse putat, ut homo ab illo uiro, qui ad Aegates uicit, oriundus, consul fieret, quoniam hic Iuliorum affinis, ipse uero cognatus Iuliorum fuerit. Mario opitulante senatus Catulo imperium proconsulare prorogasse uidetur, tametsi hic cum Germanis in Alpibus gloria permodica pugnavit. simul Marius praemium dedit Petreio tribuno militari, qui meliore Marte, quam Catulus imperator eius, militauit. Arpinas cum Q. Lutatio triumphauit ideoque gloriae Marianae particeps factus est. at Mario inuidebat et in libro “De consulatu et de rebus gestis” uictoriam Vercellensem sibi uindicauit, Marius autem, uictorem uerum, derisit. Roma a Sulla capta Catulus edicto de Mario et Sulpicio aliisque suffragatus est. Sulpicius igitur, tribunus plebis sacrosanctus, periit, qua re causa data erat ad Catulum iudicio populi damnandum et supplicio capitali afficiendum; itaque Catuli accusatio, contra opiniones nonnullorum rerum scriptorum recentiorum, non est omnino falsis rationibus nixa existimanda. Q. Lutatius mortem sibi conscisse maluit.